

НОВАЯ ГАЗ. - 2003 - 26-28 мая - с. 18

Уже больше 20 лет Гребенщиков — внутри «Аквариума». Смотрит на жизнь через стеклянные стенки, наблюдает. Результаты наблюдения складываются в песни. Песни пользуются популярностью.

Многие из тех, с кем начинал БГ, — Пой, Науменко, Башлачев — умерли на пике популярности. Прочих его коллег по цеху подрастающее поколение Next обзывает динозаврами. Надо сказать, БГ конста-

тировал, что рок-н-ролл мертв, гораздо раньше.

БГ жив. В отличие от многих он не молодится. Он знает: в каждом возрасте свой кайф. Кайф БГ — наблюдать и делиться опытом. Музыка — дело второстепенное. Поэтому Гребенщиков — очень русский музыкант.

Недавно БГ выпустил пластинку «Песни рыбака». По-моему, ничего нового. Наверное, так и надо — гуру не должен быть новатором...

— Новая пластинка не очень отличается от того, что было написано вами до этого... Вас часто упрекают в плагиате у самого себя...

— Меня давно обвиняют во всех грехах. Мне это нравится. Половина песен на новой пластинке записана с индийскими музыкантами. Они энергетически совсем другие, чем наши, потому что на других законах воспитаны. У них другое отношение к музыке. У русских святого отношения к музыке не было никогда. Для индийских музыкантов музыка — это священная вещь в абсолютно буквальном смысле этого слова. А для нас даже икона — не священная. У нас есть что-нибудь священное? Вот я вас спрашиваю.

— Ну, раньше была Родина...

— А когда?

— Как мне рассказывали, до моего рождения... Может быть, после войны... Великой Отечественной...

— То есть потребовалось пять лет войны, чтобы полюбить Родину? Надеюсь, Родину любили и до того...

— Значит, у каждого человека священное что-то свое...

— Так очень удобно говорить: «Вы знаете, у нас священное что-то свое, но такое свое, что мы сами об этом не знаем и поэтому будем поганить все, что в наших силах». Это гениальный подход.

— И к чему мы придем с таким подходом?

— А мы уже пришли. Самая популярная музыка у нас либо лагерная, либо советская эстрада, замаскированная под «тяжелый металл».

— Как вы относитесь к тому, что вас считают гуру, проповедником?

— Мне смешно. С моей точки зрения, навязывать свои мысли другим — дурной тон. Я не хочу быть гуру, упаси господь. А если бы хотел — вы знаете, стать гуру в России очень легко. Нужно напустить на себя блаженный вид и говорить непонятные фразы, желательно с восточным привкусом. Еще книги выпускать можно. Людям только это и надо — они сами думать не хотят, им хочется, чтобы ответственность за них принял кто-то другой.

— С некоторых пор многие звезды шоу-бизнеса стали декларировать свою приверженность восточным религиям. Стоит ли вообще о вере говорить вслух?

— Говорил же Иисус Христос: если хочешь молиться, молись про себя. Но никто об этом почему-то не помнит. Все на публике молятся. Но разве может быть мода в религии? Я думаю, о вере говорят, если нужно что-то продать. Причастность к религиям, особенно восточным, на какое-то время гарантирует внимание публики. Это хороший маркетинговый ход.

— И вы поэтому говорите об этом?

— А я никогда сам не поднимал эту тему. Меня все время об этом спрашивают, а я пытаюсь уйти от ответа. Самый частый вопрос, который мне задают журналисты: «Ну как у вас там, на Тибете?». А я на Тибете никогда в жизни не был. Тибет пере-

стал существовать в 1943 году. Теперь это часть КНР. В Абдулхасии остались два храма из нескольких тысяч.

Меня спрашивают: «Вы буддист? Вы суфий?» А между тем у нас на сайте выложен самый полный в России список чудотворных православных икон, который я составлял, объезжая всю Россию. Даже патриархия иногда ссылается на этот список.

— У вас нет ощущения, что российская культура, в частности музыка, ранее более прозападная, теперь стала ориентироваться на Восток?

— Знаете, в 60-е годы было то же самое. Был Бюль-Бюль-оглы, был Муслим Магомаев. Было много людей, которые восточную тематику привносили. Что вообще такое русская культура? Была ли она когда-нибудь? Все коренное русское, что у нас якобы есть, калькировано из Парижа или еще откуда-нибудь. Мы берем то, что нам нравится в остальных культурах, обживаем и делаем это абсолютно русским. Чайковский откуда брал свои технические приемы? С Запада. Он не сам это придумывал. Но так происходит и с культурой других стран. Потому что у всех людей, которые живут на земле, культура общая. Только не материальная, а духовная. Индонезийская культура, французская культура, русская культура — все что-то берут друг у друга. Если брать биологическое понятие культуры, то это среда, в которой мы все живем.

— Почему же тогда во Франции и в Англии возникают хорошие музыкальные проекты, а у нас за последние несколько лет не появилось ни одного яркого явления?

— Когда у классика спросили: «Что в России нового?», — он ответил: «Воруют». До сих пор эта тенденция сохранилась. Воровать — это не перенимать что-то у других культур. Воровать — это значит брать у других то, что хорошо и плохо лежит; выдавать за свое и зарабатывать на этом деньги. Очень мало людей из сферы шоу-бизнеса заинтересованы в музыке, в основном они хотят денег или сделать себе имя. А для этого все средства хороши. О какой культуре можно говорить?

Я знаю, как люди работают на Западе и как они работают здесь. Здесь они работают в десять раз меньше. Но при этом в России все равно появляются гении...

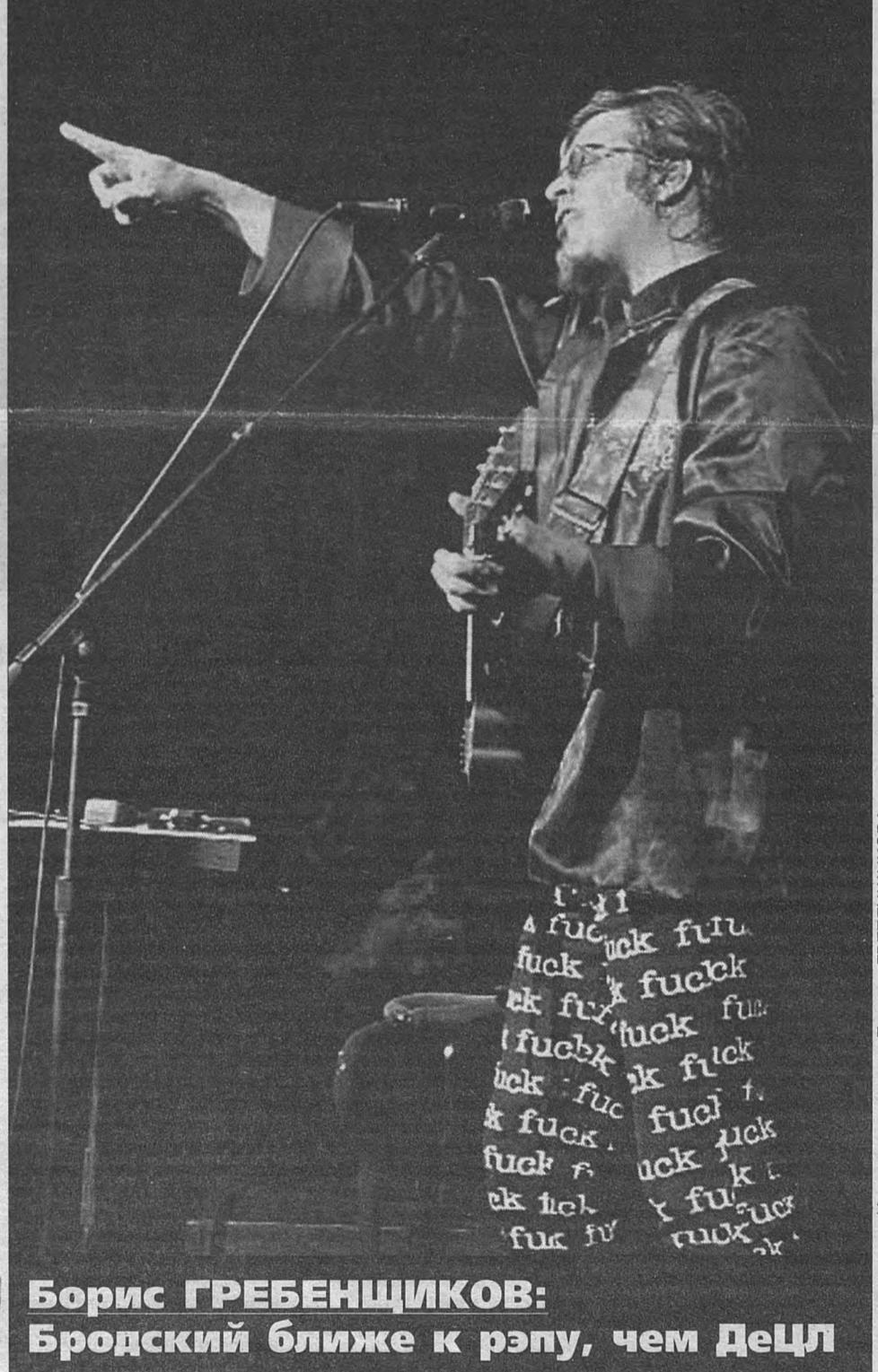
— Алексей Козлов как-то сказал, что, начиная с 80-х, ни в роке, ни в джазе ничего нового придумано не было. Вы согласны с этим?

— Придумано в музыке ничего быть и не может. Просто всегда есть авангард — его никто не слушает, однако именно там зреют новые идеи, которые постепенно выходят в мейнстрим и становятся очень модными.

— Мне кажется, сейчас в музыке происходит размытие стилей. Не существует рока или пона в чистом виде. Во что это все может вылиться?

— Границ между стилями никогда не было, просто то, что мы называем роком, ран-

В КУЛЬТУРЕ ТО ЖЕ, ЧТО И В РОССИИ, — ВОРУЮТ

Борис ГРЕБЕНЩИКОВ:
Бродский ближе к рэпу, чем ДеЦл

ше так или иначе противоречило общественному вкусу. А если сейчас общественный вкус — за рок и, более того, общественный вкус активно торгует, значит, это не рок, а поп-музыка.

— Вы согласны, что со времени Земфиры в нашей музыке ничего нового и яркого не появилось?

— Для меня и Земфиры не является ничем новым. Она

взяла очень много носящихся в воздухе вещей и безумно талантливо их записала и спела. Я жду явлений. Но, судя по уровню песен, которые я слышу по радио, многие музыканты даже не знают русского языка. Им, наверное, никогда не приходило в голову, что существуют склонения, спряжения...

— Как вы относитесь к нецензурной лексике в песнях? В частности, в исполне-

нии законов, которые можно нарушить?

— Мне представляется, умный человек всегда найдет закон, который можно нарушить. На то ум и дан.

— В текстах ваших песен часто мелькают слова, модные в момент выпуска альбома. Раньше — «портвейн», потом «компьютерные термины», теперь вот «бен Ладен». Это элемент конъюнктуры? Вы не думаете, что потомки могут вас не понять?

родный словарь. Дело не в том, что я отчаянно пытаюсь понять, какое слово теперь модно, и вставить его в песню. Я просто беру те аналогии, которые лежат на поверхности.

— То, чем вы занимаетесь, — искусство?

— Когда я пишу песню, я не думаю, искусство это или нет. Если я буду об этом думать, то буду стопроцентным муляжом. Вообще, шоу-бизнес и искусство — две кардинально противоположные вещи. Одна с другой никогда не пересекались и никогда пересекаться не будут. Шоу-бизнес — это бизнес, шоу — это то, что надо показывать. Вспомните Пастернака: «Цель творчества — самоотдача, / А не шумиха, не успех. / Позорно, ничего не знача, / Быть притчей на устах у всех». В наше время шоу-бизнес слово «позорно» делает своим рекламным слоганом, и именно на этом «позорном» делает деньги. И все мечтают об этом позоре!

— А искусством нельзя заработать деньги?

— Искусство и деньги не всегда подразумевают друг друга. Гете был очень уважаемым человеком, а Ван Гог умер в нищете. Это значит, что кто-то из них меньше занимался искусством? Просто деньги к этому не имеют отношения. Я думаю, что Пол Маккартни, который безусловно очень хороший композитор и очень хороший певец, не страдает от того, что ему нечего есть. Однако он продолжает писать очень хорошую музыку. Даже нашим банкирам не снились те деньги, которые он получает. Когда появился джаз, никто его искусством не считал. Все говорили: вот, черные обезьяны что-то лабают на инструментах. К ним относились, как к гангстерам. А сейчас это уважаемые, обеспеченные люди.

— Вам нравится рэп?

— Как явление это — колоссальный шаг вперед для поэзии. Мне кажется, сложность ритмов рэпа мог бы оценить только Бродский. Он тоже любит всякие замысловатые закрутки. Думаю, Бродский написал бы отличный еврейский интеллектуальный рэп. Это было бы настоящее...

— А ДеЦл?

— Думаю, ему неплохо было бы чуть-чуть ознакомиться с существующими в языке словами. У него ужасно узкий круг тем... «Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа». Я думаю, Бродский гораздо ближе к рэпу, чем ДеЦл.

— По-моему, чем больше к нам приезжает музыкантов, тем хуже кажется нам то, что есть у нас.

— Есть надежда, что, столкнувшись с миром, мы лишимся своего невежества. Вы подожмите чуть-чуть — годиков 10-20; вполне реально, что это произойдет. Вы посмотрите, американская музыка — черный ритм-н-блюз — появилась в Англии во время Второй мировой войны. Прошло лет пятнадцать, прежде чем молодые люди начали обращать внимание на то, что есть такая фигура. Дайте время — пока на наш век хорошей музыки хватает, а то, что она вся не на русском языке, — ничего, перетерпим.

И потом: зачем нам столько явлений? За десять веков своего существования человечество создало столько музыки, что за всю жизнь не прослушать и сотой доли. Есть много хорошего, но нам надо плохое и свое. И всегда находятся люди, которые говорят: «Да, я вам дам плохое и свое». А для того, чтобы сделать хорошее и свое, понадобится гораздо больше работы.

● Беседовала Юлия САНКОВИЧ